

К ВОПРОСУ ОБ ИСТОРИЧЕСКОЙ ТЕМАТИКЕ В ДРАМАТУРГИИ ОСТРОВСКОГО (НЕИЗВЕСТНОЕ ПИСЬМО Л. Л. ЛЕОНИДОВУ)

Статья А. И. Ревякина

Известно, что историческая любознательность Островского, пробужденная университетскими лекциями Т. Н. Грановского, Д. Л. Крюкова и М. П. Погодина, отобразилась в серии его пьес.

Стремления драматурга к познанию и художественному воссозданию отечественной истории воплотились в произведениях, посвященных по преимуществу борьбе русского народа за свою национальную независимость против шляхетско-польской интервенции начала XVII в. Это «Козьма Захарыч Минин, Сухорук» (1862), «Дмитрий Самозванец и Василий Шуйский», «Тушино» (1867).

Расширяя представления о далеком прошлом своей родины, драматург написал также пьесы о воеводской деспотии в середине XVII в. («Воевода», 1865) и о начале русского придворного театра, возникшего в 1672 г. («Комик», 1873).

Перерабатывая пьесу «Василиса Мелентьева» С. А. Геденова, Островский проявил незаурядные познания и об эпохе Ивана Грозного.

Но круг исторических интересов и художественных замыслов Островского, оказывается, не ограничивается известными нам произведениями. Он думал о создании пьесы и на иную тему.

28 января 1877 г. в Петербурге, на сцене Мариинского театра состоялась премьера драмы А. К. Толстого «Посадник».

Ведущие герои этой драмы, оставшейся незаконченной, воевода и посадский — патриоты и негибимые борцы за самостоятельность и волю осажденного суздальцами великого Новгорода. Но оба они неожиданно попадают в трагическое положение. У воеводы, боярина Андрея Юрьевича Черного, во время сна украли, а затем и использовали ключ от тайного подземного хода, о котором знал лишь он. Желая избавиться от ненавистного им мудрого военачальника, способного спасти город, сторонники суздальцев обвинили Черного в измене и потребовали его смерти. И тогда посадник, боярин Глеб Миرونч, спасая воеводу, берет вину на себя. Посадника приговаривают к позорному изгнанию из города. Черный протестует, отрицает виновность посадника. Известие о наступлении врагов сразу с двух сторон заставляет его покинуть вече. Уходя на защиту города, он говорит Глебу Миرونчу:

Иду — но правду покажу твою —
Иль в божью правду верить перестану!

Посадник, радуясь спасению воеводы, благодарит вече «за милостивый суд», и на этом кончается пьеса.

Что стало с героями пьесы? Отстоял ли город Андрей Черный? Как сложилась судьба Глеба Миرونча? Эти и другие вопросы остаются без ответа. Сценическое представление оригинально задуманной, но сюжетно не завершенной пьесы с особенной остротой подчеркнуло необходимость ее продолжения.

Через два дня после премьеры газета «Голос» (№ 30, 30 января) опубликовала «Письмо в редакцию» Д. Н. Цертелева, племянника жены А. К. Толстого, в котором он по отрывочным наброскам драматурга и личным воспоминаниям изложил замысел дальнейшего развития действия этой пьесы, каким он представлялся ее автору:

«Посадник сидит у стола; посадница в углу плачет. Дочь молча смотрит на отца. Входит боярыня Мамелфа; она предлагает посаднице и дочери ее переселиться к ней,

говоря, что они не виноваты, что она берет их под свое покровительство и что, когда они будут жить у нее, никто не посмеет сказать про них худо. Посадница отвечает нерешительно, и боярыня говорит ей:

Я, матушка, тебя
Не уговаривать пришла:
Коль хочешь,
Останься с ним,
Добро, в твоей то воле,
Тогда прости!

Она уходит. Является жених Веры, Василько, и повторяет свое предложение; но та отказывается, говоря, что пойдет за него только в том случае, если ее отец будет оправдан. Василько обращается к посаднику, прося его уговорить дочь. «Иди», — говорит ей отец. Но она все-таки не соглашается. Наконец, Вера остается с отцом наедине и спрашивает его: «Скажи ты мне, что этого не сделал». Но посадник отвечает только: «Почем ты знаешь?» Входит посадница, говоря, что от него требуют сдачи печати и казны. Является Черный. Он отбил приступ, но отчаивается найти вора.

Посадник спрашивает жену, пойдет ли она за ним в изгнание? Та отвечает нерешительно. «А ты, Вера? — говорит он дочери. — Нет, у меня другое дело; когда воевода отчаивается найти виноватого, так я его найду».

Оскорбление за оскорблением сыплются на посадника. Он уже подходит к валу, чтоб оставить город, когда Вере удается отыскать Наталью, которая во всем сознается перед народом. Посадник оправдан, но не хочет оставаться в Новгороде. Все упрощают его. Входит Черный, одержавший решительную победу над суздальцами. Затем, в намерении автора, посадник должен был умирать на сцене. Впрочем, вся внешняя строка дела в настоящем случае не имеет особого значения, так как главную задачу графа Толстого было изображение характера посадника, и весь драматизм сосредоточивался в той внутренней борьбе, которая должна была происходить в нем, когда ему пришлось убедиться на деле, как трудно переносить общее презрение, при самом глубоком сознании своей правоты.

После этого понятно, что для такого человека оставаться в Новгороде становилось уже совершенно невозможно.

И сама драма, не удовлетворявшая зрителей отсутствием конца, и письмо Цертелева несомненно вызывало у многих тогдашних зрителей мысли о завершении оригинально задуманного Толстым сюжета пьесы. Эти мысли возникли и у Л. Л. Леонидова, артиста Александринского театра, исполняющего в спектакле роль Глеба Мироныча. 11 февраля он присылает Островскому письмо, в котором пытается склонить его на продолжение начатого Толстым.

«По моему мнению, — уверяет он драматурга, — ты единственный человек, который мог бы привести в исполнение талантливо начатое. Не вдохновит ли тебя твой драматический дар *продолжить* Новгородское дело и подарить почитателей твоего творчества семейным бытом древней Руси с Глеб Миронычем во главе, и с языком, сродным тебе и по душе и по таланту; а нам по средствам, с удовлетворительной постановкой.

Надеюсь, что и ты удовлетворишь меня лестною весточкой и утетишь искренне преданного тебе Леонида» (ГЦТМ, ф. 200, № 82/1250).

Островский, не возражая против предложения своего друга, как видно, понял это как предложение написать прямое продолжение пьесы Толстого. Но как продолжать начатое другим, не имея его разрешения? Свои сомнения драматург, по-видимому, изложил артисту в не дошедшем до нас письме.

20 февраля Леонидов разъясняет Островскому, что он думал о создании оригинальной пьесы, но на ту же тему и с теми же основными героями.

Я предлагаю взглянуть на «Посадника», как на первую часть, как на завязку, как введение к наступающей трагической истории и написать *вторую*, которой желает публика от неоконченной драмы, — и написать ее по собственному плану» (ГЦТМ, ф. 200, № 82/1251). Здесь же он набрасывает и возможный сценарий. Приглашая Островского воспользоваться его сценарием, артист писал: «Если ты, любезнейший Алек-

*Михаилу Осиповичу**Михаилу**на память от автора**4 апреля 1867.*

ДМИТРИЙ САМОЗВАНЕЦЪ

ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ.

ДМИТРИЙ САМОЗВАНЕЦЪ

и

ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ.

ДРАМАТИЧЕСКАЯ ХРОНИКА ВЪ ДВУХЪ ЧАСТЯХЪ.

СОСРЕДИ

А. Островскаго.

Второе издание.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФИИ Ф. С. СУДЖИСКАГО.
На 1000 Миланской и Коллонтай, № 1/2.

1867.

ВТОРОЕ ИЗДАНИЕ ДРАМАТИЧЕСКОЙ ХРОНИКИ «ДМИТРИЙ САМОЗВАНЕЦЪ И ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ» (1867) С ДАРСТВЕННОЙ НАДПИСЬЮ М. О. МИКЕШИНУ:

«Михаилу Осиповичу Микешину на память от автора 4 апреля 1867 г.»

Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

сандр Николаевич, воистину не прочь от труда и готов уделить и на мою частицу твоего таланта, — то я уверен, что твой дар, вдохновясь самовластно помешанным Лиром с Корделией, подарит нас повгородским Глебом с дочерью Верой в изгнании и честном рубище. <...> Но в случае неременной надобности разрешения наследников, я думаю, в этом деле нам поможет Ф. А. Бурдин, как агент драматических писателей и как человек всегда готовый на услугу, — получив на то твое уполномочие» (там же, № 82/1251).

Вот что ответил Островский Леонидову:

Москва. 25 февраля 1877 г.

Я действительно не понял твоего первого письма, любезный друг мой.

Писать новую пьесу мне запретить никто не может; но зато об таком деле каждому писателю надо прежде десять раз подумать, а потом уж и решаться. Мысль — написать драму из новгородской жизни была у меня давно в голове, и я об этом думать не переставал. Как только сложится у меня что-нибудь определенное, я тебя уведомлю.

Теперь, сейчас же, заняться исключительно этим предметом я не могу: дела по горло и здоровье изменяет, кажется, я расхварываюсь не на шутку и боюсь слечь.

Во всяком случае, благодарю тебя за дружбу и за то, что ты не отказываешь мне в способностях и считаешь меня человеком, полезным для русской сцены.

Искренно любящий тебя
(ГИМ, ОПИ, ф. К. К. Случевского)

А. Островский

Как видим, тема великого Новгорода была у драматурга уже «давно в голове». Это весьма важно.

Ведущие исторические пьесы Островского, посвященные социально-политической тематике, перекликаются с современным ему освободительным движением.

Тема вольного Новгорода, борющегося за свою вечную свободу, органически вплетается в проблематику этих пьес.

Особого внимания заслуживают слова: «Как только сложится у меня что-нибудь определенное, я тебя уведомлю». Это значит, что драматург отклонял сценарии Толстого и Леонидова, имея совершенно самостоятельный сюжет.

Ободренный принципиальным согласием Островского заняться пьесой о Новгороде, Леонидов 1 марта писал ему: «Начало положено — согласие изъявлено; письмо мое понято — дело сделано. Теперь будем ждать вдохновения, от которого может быть общий выигрыш и которое, вероятно, посетит того, кто уже задумывался над драмой из новгородской жизни» (ГЦТМ, ф. 200, № 82/1252).

Но несмотря на то, что Островский многие годы думал о новгородской теме, она не нашла в его творчестве своего поэтического выражения.

Почему? Очевидно прежде всего потому, что Островский предпочитал работать, в первую очередь, над современной тематикой. Он создал и публиковал одну пьесу за другой: «Последняя жертва» (1878), «Бесприданница» (1879), «Невольницы» (1881), «Таланты и поклонники» (1882), «Красавец-мужчина» (1883), «Не от мира сего» (1885).

В 1884—1885 гг., готовясь к участию в управлении московскими императорскими театрами, драматург много и спешно работал над составлением записок о театре. Эти записки он считал делом более важным, чем его пьесы. Кроме того, в 1884—1885 гг. им создавалась вторая редакция «Воеводы». Большим препятствием в осуществлении замысла о вольном Новгороде, вероятно, являлось и опасение цензуры.

И прежние исторические пьесы Островского, и отказ его от социально-психологических сценариев Толстого и Леонидова дают основание предполагать, что он задумывал пьесу социально-политического жанра.

И, наконец, развивающаяся болезнь, ослаблявшая его силы, с каждым годом ограничивала его творческие возможности. Он уже физически не успевал реализовать все то, что ему требовательно подсказывала жизнь и поэтическая фантазия.

Долго вынашиваемая Островским пьеса о вольном Новгороде осталась ненаписанной, но трудно переоценить сам факт его замысла. Этот замысел связывает драматурга с одной из замечательных традиций русской прогрессивной литературы, в частности, и с писателями-декабристами.